Комнаты внутри нас

Комната злости

О словах, которые мы так и не сказали

Шокун Алексей Владимирович

Шокун Алексей

Комната злости. О словах, которые мы так и не сказали

«Автор»
2026

Алексей Ш.

Комната злости. О словах, которые мы так и не сказали / Ш. Алексей — «Автор», 2026

Они говорят «ничего страшного», когда обидно. Соглашаются, когда хочется отказаться. Улыбаются, когда хочется закричать. Двенадцать историй «Комнаты злости» — о людях, привыкших молчать и прятать раздражение за вежливостью и заботой. Здесь злость годами живёт в невысказанных словах, чужих просьбах и маленьких уступках. В одной из комнат старого дома всё безупречно чисто и ровно, но за обоями слышится глухой шум. Иногда достаточно одного произнесённого «нет», чтобы услышать собственный голос. Эта книга не учит спорить: она прислушивается к тому, что происходит с невыраженными чувствами.На отдельных этапах подготовки издания применялись интеллектуальные цифровые инструменты.

© Алексей Ш., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Об этой книге 5
Как читать 6
Пролог 7
Ничего страшного 8
Чайник, который свистел 16
Конец ознакомительного фрагмента. 17

Шокун Алексей
Комната злости. О словах, которые мы так и не сказали

Серия «Комнаты Внутри Нас»

Шокун Алексей Владимирович

Об этой книге

Это художественная проза. Истории в этой книге не заменяют помощь врача или психотерапевта, не описывают диагнозов, не дают назначений и не обещают, что после них что-то пройдёт.

Если вы узнали себя в одной из историй — это не диагноз. Узнавание не доказывает ничего, кроме того, что вы человек и с вами бывает то же, что с другими людьми.

Если сейчас с вами происходит что-то, с чем трудно оставаться одному, — это не тот случай, когда нужна книга. Позвоните тому, кто может помочь: врачу, психотерапевту, близкому человеку. В остром состоянии читать про чужую боль бесполезно и иногда вредно.

Всё, что здесь есть, — двенадцать историй про людей, которые не кричат.

Они соглашаются, улыбаются, говорят «ничего страшного» и очень аккуратно кладут вилку, чтобы не звякнула. Они держат дверь, переставляют банки по ночам, выносят чужой мусор и подписывают бумаги, с которыми не согласны. Ни один из них не исправляется. У всех в конце остаётся то же, с чем они начали, — меняется только одно: у того, что они годами носили в себе, наконец появляется место.

Здесь нет ни одного человека, которого надо пожалеть, и ни одного, с которого надо брать пример. Они живут, и у них это получается примерно так же, как у всех.

В этой книге нет злых людей. Тот, кто кричит в регистратуре, три ночи не спал. Тот, кто занял кухню на четыре месяца, никого не хотел обидеть. Это не оправдание и не объяснение: в жизни почти не бывает злых людей, а бывает тесно, и от тесноты люди делают то, чего не собирались.

Как читать

Одну историю за вечер. Больше не надо: истории короткие, но они не для того, чтобы их проглатывали.

Порядок соблюдать не обязательно. Но если день был тяжёлый, не читайте подряд шестую, седьмую и восьмую — они самые тёмные. Между ними лучше сделать перерыв. Одиннадцатую тоже не стоит читать в тот же вечер, что и восьмую: они про разное, но обе про то, как много человек может вытерпеть молча.

Девятую, десятую и двенадцатую можно читать в любой день. В них кто-то наконец повышает голос, и ничего не рушится. Это не пример и не рецепт. В книге должно быть место, где видно, что так бывает.

Истории не нужно понимать. В них нет скрытого смысла, который вы обязаны найти. Если после истории ничего не произошло — это нормальный результат: так бывает чаще всего.

Если история задела, закройте книгу. Не надо разбираться сегодня. Не надо ничего вспоминать специально — если вспомнится, оно вспомнится само, и уже не в книге.

Эту книгу можно читать вслух. Она так и написана — с расчётом на то, что её слышат.

И последнее. Эта книга не про то, как перестать злиться. Она про то, куда девается то, что вы не сказали, и что с этим можно жить.

Пролог

В этом доме есть комната, где всё на месте.

Стулья стоят ровно, спинками к стене. На полке банки выстроены по росту. Скатерть выглажена, и складки идут параллельно краю. На подоконнике — три кактуса, и у каждого свой поддон.

На столе стоит чашка. В чашке чай, и он давно остыл, и на поверхности застыла плёнка. Чашку не убрали: скатерть вокруг неё выглажена, складки идут параллельно краю, а чашка стоит.

В углу буфет, и в буфете посуда, и вся она одинаковая. Если открыть дверцу, будет слышно, как звякнет. Дверцу не открывают.

Смотритель заходит в неё последней.

Он поднимает фонарь и видит: пыли нет, стекло протёрто, дверца шкафа прикрыта. В комнате не пахнет ничем — ни затхлым, ни свежим. Так пахнет помещение, в котором давно не готовили и никогда не ссорились.

Он стоит и слушает.

Дом гудит. Где-то наверху капает вода, где-то внизу скрипит половица, за стеной кто-то переставляет стул. В этой комнате не скрипит ничего.

Смотритель знает этот дом хорошо. В комнате на первом этаже кто-то плачет по ночам, и там он задерживается. В комнате под лестницей смеются так громко, что дрожит стекло, и там он тоже задерживается. Здесь он не задерживается: здесь ему нечего делать.

Он проводит пальцем по краю стола и смотрит на палец. Палец чистый. Он вытирает его о платок и убирает платок в карман. В других комнатах он этого не делает: там пыль есть, и её видно, и по ней понятно, что тут живут.

Тогда он опускает фонарь ниже — к самому полу, к плинтусу, к тому месту, где обои заходят за угол. И там, в углу, за шкафом, видно, что обои в одном месте отходят. Их отклеили и приклеили обратно. Много раз. Клей выступил и засох неровными каплями.

Он не отгибает обои. Он и так знает, что за ними.

За ними стена. И в стене, если очень долго стоять и слушать, слышно, как что-то гудит — ровно, как гудит труба, по которой идёт вода и не может выйти.

Смотритель слушает минуту и перестаёт.

Он выпрямляется и уходит.

Он не задерживается в этой комнате дольше, чем в других. Но, выходя, всегда прикрывает за собой дверь — не до щелчка, а так, чтобы осталась щель в палец.

Щель нужна не для того, чтобы туда входило. Щель нужна, чтобы оттуда было слышно.

Он проверяет это каждый раз: отходит на три шага, поворачивается и смотрит на полосу света на полу. Полоса есть. Значит, всё в порядке.

Он идёт дальше по коридору, и фонарь качает свет на стенах, и тени идут за ним по обоям. В следующей комнате кто-то разговаривает сам с собой — тихо, но разборчиво. Смотритель останавливается у двери и слушает.

Это не его дело. Он смотритель, а не судья. Он только светит.

Из щели ничего не слышно.

Пока.

Ничего страшного

Она говорила это раньше, чем успевала подумать.

— Ничего страшного, — говорила она, когда в регистратуре опрокидывали стакан на её бумаги.

— Ничего страшного, — когда сестра звонила в субботу и просила съездить к матери, потому что у неё «ну вообще никак не получается».

— Ничего страшного, — когда муж в двенадцатом часу вечера спрашивал, где его рубашка, а рубашка висела в шкафу, выглаженная, и он её не видел.

Фраза была короткая и удобная. Она закрывала разговор, как крышка закрывает кастрюлю: всё остаётся внутри, наружу ничего не идёт.

Фразу она взяла у матери, не заметив, что взяла.

В их доме не ссорились. Отец приходил поздно, и мать ставила перед ним разогретое и говорила: «Ничего страшного, ешь». Когда на заводе не дали премию, мать говорила: «Ничего страшного, проживём». Когда в восемьдесят девятом сгорела дача — вся, до фундамента, вместе с документами и велосипедом, — мать стояла на пепелище в резиновых сапогах и говорила соседке: «Ничего страшного. Сарай-то цел».

Сарай был цел. В сарае лежали три банки варенья и лопата. Лена тогда училась в восьмом классе и запомнила не пожар, а то, как мать сказала это слово и пошла к сараю — проверять, что там осталось.

Она думала, что это сила. Гораздо позже она поняла, что это была не сила, а способ дожить до вечера. Способ работал. Он ничего не чинил, но он работал.

Она работала в аптеке за первым окном. Восемь часов на ногах, очередь, касса, рецепты, которые закончились вчера, и люди, которые не понимают, почему лекарство, которое они принимают десять лет, вдруг надо заказывать.

За первым окном было видно всё: улицу, остановку, женщину с сумкой на колёсиках, которая приходила по вторникам.

Женщину звали Зинаида Марковна, ей было восемьдесят четыре, и она брала одни и те же капли. Капли стоили недорого, и она всегда платила мелочью, и всегда пересчитывала мелочь дважды, и всегда извинялась за то, что пересчитывает.

— Ничего страшного, — говорила Лена. — Считайте.

Один раз Зинаида Марковна не пришла во вторник. Не пришла и в следующий. Лена потом узнала от её соседки, что та умерла в конце месяца, тихо, во сне. Она подумала, что надо было записать её телефон, и тут же подумала: зачем. Вторая мысль ей не понравилась, и она не стала её разбирать, потому что в окно уже стучали.

Очередь в аптеке не кончается. Это единственное, что в аптеке не кончается никогда.

Один раз у окна заплакала женщина.

Ей было лет сорок, она держала рецепт на антибиотик для ребёнка и считала деньги, и денег не хватало двести рублей.

— Я сейчас, — сказала она. — Я сбегаю.

— Не надо, — сказала Лена.

Она достала из своего кошелька двести рублей и положила в кассу. Женщина посмотрела на неё и заплакала.

— Ничего страшного, — сказала Лена. — Бывает.

Через неделю женщина принесла двести рублей и коробку конфет. Конфеты Лена взяла, а деньги сказала оставить себе. Она потом думала, зачем она это сказала. Двести рублей были не лишние.

Лена пришла сюда в две тысячи третьем.

Тогда аптека стояла на другом углу, в старом доме, и в ней было три окна, и в подсобке лежал диван, на котором спал ночной сторож. Аптеку перевели в новое помещение в две тысячи четырнадцатом. Окно осталось одно, а очередь стала длиннее, потому что рядом закрыли две другие.

За двадцать два года у неё было четыре заведующих, семнадцать коллег и одна подруга — Валя из второго окна, которая умерла в две тысячи девятнадцатом. На Валю она до сих пор иногда оглядывалась, когда в подсобке кто-то смеялся.

Она говорила им: «Ничего страшного, приходите после обеда». Говорила: «Ничего страшного, бывает». Говорила это так часто, что однажды покупательница — пожилая, в пуховом платке — посмотрела на неё и спросила:

— А у вас самой-то как?

— Ничего, — сказала она. — Спасибо.

Покупательница ушла. Она осталась стоять с чеком в руке и подумала, что ответила неправильно, но не поняла, в чём.

В феврале в аптеку пришла женщина с рецептом на препарат, которого не было.

— Как нет? — сказала женщина. — Мне врач сказал, что есть.

— Врач выписал, а в наличии нет. Можно заказать, будет послезавтра.

— Послезавтра мне поздно.

— Тогда поезжайте в аптеку на Мира, там бывает.

— Я не поеду на Мира. У меня нога.

Женщина стояла и смотрела на неё, и было видно, что ей нужно не лекарство, а чтобы кто-нибудь за это ответил.

— Значит, так вы работаете, — сказала женщина. — Людям умирать, а вам хоть бы что.

Она промолчала. Она могла сказать, что заказ делается за два дня и что склад не её. Могла сказать, что в аптеке на Мира это лекарство лежит с прошлой недели, и что она туда звонила, и что звонила дважды. Она не сказала ничего.

Женщина ушла, хлопнув дверью так, что задребезжало стекло. Она села на табурет за спиной Кристины и просидела минуты три.

Потом встала и вернулась к окну.

За окном стояла следующая — женщина с ребёнком. Ребёнок кашлял, и женщина сказала:

— Нам бы что-нибудь от горла. Только недорого.

Лена достала три варианта, показала, объяснила разницу и продала второй. Она делала это хорошо. Она делала это двадцать два года.

В обед она пошла в подсобку, села на ящик и съела бутерброд, который не хотела. Там было окно под потолком, и в окне был кусок стены соседнего дома, и по стене шла трещина, которую она рассматривала уже несколько лет. Трещина не увеличивалась. Лена проверяла.

Заведующая приходила два раза в неделю, проверяла кассу и говорила: «Девочки, у нас всё хорошо». В марте не сошлась сумма — триста сорок рублей. Заведующая искала два дня и нашла: она сама вчера отдала сдачу не из той кассы.

— Ничего страшного, — сказала Лена.

Заведующая посмотрела на неё и сказала:

— Лена, вы бы хоть раз сказали, что это не вы.

— А зачем, — сказала Лена. — Вы же нашли.

— Вам плохо? — спросила Кристина.

— Нет. Спина.

Дома у неё была своя чашка.

Домой она ехала на двадцать втором, и в автобусе всегда было тепло. Она садилась у окна и смотрела на витрины, и это были единственные двадцать минут в сутках, когда от неё ничего не требовалось.

Один раз рядом сел мужчина и сказал: «Извините, вы не подскажете». Она подсказала. Он сказал спасибо и вышел.

Она потом думала, что могла бы с ним заговорить. Не потому, что он ей понравился, а потому, что он спросил. Чашка была белая, с синей каёмкой, и у неё была отбита ручка — не отломана, а надколота у основания, и если держать крепко, ручка отходила. Она пила из неё восемь лет.

Хороший сервиз стоял в серванте. Двадцать три предмета, подарок на свадьбу, доставали два раза в год: на Новый год и когда приезжала двоюродная сестра из Костромы.

Сервиз подарила мать, и это было странно, потому что мать никогда не дарила дорогого.

Она копила на него два года. Лена узнала об этом случайно, от тётки, и потом всю жизнь не знала, что с этим знанием делать. Она доставала сервиз два раза в год и каждый раз мыла все двадцать три предмета, включая соусник, которым никто не пользовался.

Соусник она вытирала особенно тщательно и ставила в середину.

— Чего ты пьёшь из этой, — говорила сестра. — Возьми нормальную.

— Мне из этой удобно, — говорила она.

Это было правдой. Из этой было удобно: она привыкла держать её за донышко, а не за ручку. Сестра была старше на шесть лет, и это было единственное, в чём она была старше.

Ира вышла замуж в девятнадцать, родила Кирилла в двадцать, и с тех пор её жизнь состояла из соревнований, секций и сборов, в которых Лена участвовала, не выходя из дома. Ира умела просить так, что отказать было неудобно. Она начинала с «я тебе не помешаю?», потом говорила «у меня правда не получается», потом добавляла «ты же понимаешь», и после этого отказ звучал как предательство.

Лена понимала. Она всегда понимала. Деньги Ира брала «до пятницы» и возвращала через год, и об этом никто не говорил. Один раз она взяла тридцать тысяч на сборы и вернула двадцать, и Лена сказала: «Ничего страшного», и Ира сказала: «Я помню», и обе остались при своём.

Пальто, о котором вспомнила мать, Ира действительно обещала отдать. Пальто было тёмно-синее, почти новое, и Лена его так и не увидела. Она не спрашивала. Спрашивать было неудобно, а неудобство в их семье было тем, чего избегали больше всего.

На соревнования Лена ездила три раза. Кирилл играл в хоккей, и на трибуне было холодно, и она сидела в пальто и в перчатках, а Ира рядом кричала: «Кирюша, давай!» Кирилл забил один раз, и Ира плакала, и Лена держала её за руку.

Она тогда подумала, что вот оно, счастье, и что оно бывает у людей, у которых есть сын и есть крик.

В субботу позвонила сестра.

— Лен, у меня правда не получается, — сказала она. — У Кирилла соревнования, я не могу его одного.

— А во сколько?

— В десять. И до трёх.

— Хорошо.

— Ты золотко. Я знала, что ты скажешь да.

Она положила трубку и посмотрела на календарь. В субботу у неё была своя очередь — раз в месяц, с восьми до двух. Очередь стояла в календаре красным кружком, и кружок был обведён дважды.

Она стёрла кружок ластиком. Потом нарисовала новый, на следующей неделе, и он был уже не красным, а серым.

В субботу она приехала в десять.

Ира уже была в куртке и с сумкой, и в квартире пахло кофе, и на столе стояла немытая чашка.

— Кирюша, я пошла. Слушайся.

Дверь закрылась. Кирилл сидел на диване с телефоном и не поднял головы.

Она спросила:

— Ты ел?

— Да.

Она заглянула в холодильник: там лежали полбатона, масло и три яйца. Она сварила ему яйца и поджарила хлеб, и он съел и сказал: «Спасибо».

Потом он делал математику, а она сидела рядом и читала инструкцию к новому тонометру, которую взяла на работе.

В три часа пришла Ира — весёлая, с новой сумкой — и спросила:

— Ну как вы тут?

— Хорошо, — сказала Лена.

— Ты золотко, — сказала Ира.

К матери она приехала в воскресенье. Мать жила на другом конце города, в двухкомнатной, одна. Ей был восемьдесят один год.

— Ты опять в этом пальто, — сказала мать, открыв дверь. — Тебе что, Ленка не отдала?

— Не отдала.

— Она мне говорила, что отдала.

— Значит, сказала неправду.

Мать поджала губы и пошла на кухню ставить чайник. Она разделась, повесила пальто и села.

В комнате было холодно, и она попросила включить обогреватель.

— Дорого, — сказала мать. — Я и так в двух кофтах.

Она встала и включила обогреватель сама.

— Я же сказала.

— Я слышала.

Мать посмотрела на неё и ничего не добавила. Потом села напротив и спросила:

— Ты поела?

— Поела.

— А то худая.

Они сидели на кухне, и мать рассказывала про соседку, у которой сын развёлся, и про то, что в магазине подорожала крупа, и про то, что лифт опять не работает.

Лена слушала и пила чай из материной чашки — тяжёлой, толстой, с коричневой полосой.

— Ты бы приезжала чаще, — сказала мать.

— Я приезжаю.

— Раз в месяц — это не чаще.

Лена ничего не сказала.

— У Ирки вон Кирилл, ей некогда, — сказала мать. — А ты одна.

— У меня работа, — сказала Лена.

— У всех работа.

У Лены не было детей. Она не знала, почему. Врачи говорили разное, годы шли, и однажды выяснилось, что спрашивать об этом перестали.

Мать спрашивала каждый раз. Не прямо, а так: «У Ирки вон», «У соседки внук», «А у тебя как». Она отвечала: «Никак».

Один раз, в сорок, она сказала: «Мама, перестань». Мать посмотрела на неё и сказала: «Я же ничего такого». И Лена сказала: «Ничего страшного».

В коридоре висело отцово пальто. Отца не было двенадцать лет, а пальто висело, и мать его не отдавала, и когда Лена один раз спросила зачем, мать ответила: «Пусть висит». Лена больше не спрашивала.

Отца хоронили в феврале, и было минус двадцать. В морге им выдали бумаги, и женщина в окошке сказала, что нужна ещё одна справка.

— Ничего страшного, — сказала Лена. — Мы подождём.

Они ждали сорок минут в коридоре с пластиковыми стульями. Мать сидела и смотрела в одну точку, Ира плакала и звонила мужу, Лена ходила за справкой.

На кладбище было ветрено, венок поехал, и рабочий поправил его лопатой.

После поминок мать сказала:

— Хорошо посидели.

И Лена сказала:

— Да.

Она потом много лет вспоминала это «хорошо посидели» и не могла понять, было ли это ужасно или это было единственное, что можно было тогда сказать. Когда она уходила, мать стояла в дверях и держалась за косяк.

— Ты не болеешь? — спросила она.

— Нет.

— А то бледная.

— Это свет, — сказала Лена. — У вас лампочка слабая.

Мать кивнула и закрыла дверь. В марте в аптеку пришла новая девочка, Кристина, двадцать три года, только после училища. Кристина работала быстро и всё время что-то роняла: то коробку с ампулами, то ценник, то телефон.

В среду она уронила стеклянную банку с ватой. Банка лопнула, вата разлетелась по полу, осколки заехали под стеллаж.

— Ой, — сказала Кристина. — Ой, простите. Я сейчас.

— Ничего страшного, — сказала она. — Возьми веник. Вон там.

Она стояла и смотрела, как Кристина собирает осколки, и в какой-то момент подумала: а ведь она правда испугалась. У неё руки тряслись. Она думала, что сейчас будет крик.

Крика не было. Она никогда не кричала.

Кристина приехала из-под Галича, жила в общежитии на четыре человека и каждый день ездила сорок минут на двух автобусах.

Она боялась, что её уволят. Боялась так сильно, что иногда оставалась после смены и мыла полы, которых никто не просил мыть.

Лена сказала ей один раз:

— Ты не обязана.

Кристина ответила:

— Я не обязана, я хочу.

Лена тогда подумала, что в двадцать три года она тоже так говорила. Кристина звонила матери каждый вечер, и Лена слышала в подсобке, как та говорит: «Мам, у меня всё хорошо, тут хорошо, тут спокойно».

Один раз Кристина спросила:

— А у вас тут всегда так тихо?

— Всегда, — сказала Лена.

— Здорово, — сказала Кристина.

Через неделю она сама уронила коробку с бинтами. Коробка была большая, но лёгкая, и она задела её локтем, когда поворачивалась к кассе. Бинты высыпались на пол.

Она присела и стала собирать.

Кристина подошла и сказала:

— Ничего страшного. Я помогу.

И вот тут она остановилась. Она сидела на корточках с бинтом в руке и слушала, как это звучит снаружи. Ничего страшного.

То есть — ничего. То есть — неважно. То есть — то, что ты сделала, не имеет значения, и то, что я сейчас чувствую, тоже не имеет значения, поэтому давай закроем это и пойдём дальше.

Она никогда не слышала свою фразу со стороны. Она всегда была внутри неё, как собственный голос, который не замечаешь.

— Спасибо, — сказала она и встала.

В апреле Ира пришла в аптеку.

Она вошла, поздоровалась с Кристиной, посмотрела на очередь и сказала:

— Я на минутку.

Они вышли в тамбур между дверями, где стояла коробка с мусором.

— Мне на две недели, — сказала Ира. — Кириллу на сборы.

— Сколько?

— Двадцать.

Лена достала телефон и перевела.

— Спасибо, — сказала Ира. — Ты золотко.

Она поцеловала её в щёку и ушла, и в тамбуре остался запах её духов, и Лена постояла там ещё немного, потому что за дверью была очередь, а в тамбуре никого не было. Она подумала: я могла сказать «нет». И поняла, что не могла — не потому, что нельзя, а потому, что не придумала бы, как это сказать.

Слова «нет» у неё в словаре не было. Было «ничего страшного», и оно работало вместо.

Она вернулась за окно и работала до восьми.

В восемь сдала кассу, выключила витрину и пошла на остановку. По дороге она подумала, что двадцать тысяч — это её отпуск. Она собиралась в сентябре в санаторий, и путёвка стоила восемнадцать.

Она подумала об этом один раз и больше не думала.

Вечером она пришла домой и достала из шкафа свою чашку. Посмотрела на отбитую ручку.

Ручка держалась на честном слове, и она знала это восемь лет. Знала, что если налить кипяток и взяться за ручку, можно обвариться. Знала и всё равно брала эту.

Она поставила чашку на стол и села напротив.

В коридоре щёлкнул замок. Пришёл муж, снял ботинки, прошёл на кухню и сказал:

— Ты не представляешь, что у нас сегодня было.

Она слушала. Он рассказывал про совещание, про какого-то Виктора Петровича, который опять всё перепутал. Рассказывал минут пятнадцать, стоя у холодильника и держа дверцу открытой.

— Юра, — сказала она. — Закрой холодильник.

Он замолчал.

— Что?

— Закрой холодильник. Холод уходит.

Он закрыл. Посмотрел на неё и спросил:

— Ты чего?

— Ничего, — сказала она. И потом добавила: — Я устала. Я сегодня уронила коробку.

— Ну и что?

— Ничего. Уронила.

Слово вылетело раньше, чем она успела его остановить, и она поморщилась.

В феврале у неё было давление сто шестьдесят. Врач в поликлинике — молодая, в очках на цепочке — выписала таблетки, сказала пить по одной утром и прийти через месяц.

— Месяц, — сказала Лена. — Хорошо.

Она вышла из кабинета с рецептом в руке и пошла на работу. Рецепт пролежал в сумке три недели.

Потом она переложила его в кошелёк, и он стёрся по сгибу, и она перестала его видеть, потому что он лежал между карточкой и чеком за электричество.

Таблетки она в конце концов купила, в мае, в своей же аптеке, со скидкой. И не начала пить. Упаковка стояла на полке за банкой с солью, и Лена про неё помнила — она правда помнила — и каждый вечер думала, что начнёт с завтрашнего утра, потому что утром удобнее.

Утром было некогда. Юра работал в снабжении, и его рассказы всегда начинались одинаково: «Ты не представляешь». Он был добрый. Это надо было признать: он не пил, не кричал и мыл посуду по воскресеньям.

Он только не спрашивал. За восемь лет он ни разу не спросил, как у неё дела на работе. Он спрашивал «как прошло?», а это было не то же самое: на «как прошло» можно ответить «нормально», и разговор закрывался сам.

Она отвечала «нормально».

Один раз, в отпуске, на море, он сказал:

— Ты какая-то тихая.

— Я всегда тихая.

— Ну да, — сказал он и пошёл за пивом.

В тот вечер она мыла посуду и смотрела в окно, и во дворе кто-то выгуливал собаку. Собака была старая и шла медленно, и хозяин ждал её у каждого куста. Она подумала, что тоже так умеет: ждать у каждого куста и не говорить об этом.

Ночью она не спала. Лежала и думала про то, что сказала за неделю. «Ничего страшного» — Кристине, когда та разбила банку.

«Ничего страшного» — сестре, когда та попросила съездить к матери в субботу, хотя в субботу у неё была своя очередь в аптеке.

«Ничего страшного» — женщине в очереди, которая кричала, что её обманывают, хотя её не обманывали.

«Ничего страшного» — себе, когда в феврале ей выписали таблетки и она не купила их, потому что было некогда.

«Ничего страшного» — Кристине, когда та пришла на смену с температурой, и Лена отправила её домой и отработала за неё.

«Ничего страшного» — соседке, которая залила им кухню и сказала, что трубу прорвало не у неё. «Ничего страшного» — врачу, которая сказала прийти через месяц, а она не пришла ни через месяц, ни через два. «Ничего страшного» — Ире, которая в мае опять не вернула.

Она лежала и считала, и счёт получался большой. И чем больше он получался, тем яснее было, что все эти «ничего страшного» были сказаны не другим людям.

Она подумала про мать. Мать говорила это же слово — теми же словами, тем же голосом: когда отец приходил поздно, когда сгорела дача, когда на заводе не дали премию. Мать говорила: «Ничего страшного», — и шла мыть посуду.

Она лежала и думала, что не помнит, чтобы мать когда-нибудь сказала другое. И что не помнит, чтобы сама сказала другое. А если бы мать тогда, в восемьдесят девятом, сказала что-то другое — что было бы? Она не смогла придумать.

Утром она встала раньше будильника и пошла на кухню. Достала из серванта хорошую чашку — белую, тонкую, из того самого сервиза. Налила чаю. Села.

Чай был горячий, и чашка была горячая, и она держала её за ручку, и ручка не отходила.

— Ну как? — спросил муж, выйдя на кухню.

— Нормально, — сказала она. — Держит.

Он не понял, о чём она, и не переспросил.

Она сидела и пила, и чай был горячий, и в кухне было тихо, и в тишине было слышно, как в подъезде закрылась дверь лифта. Она подумала: вот и всё. Она ждала, что будет что-то ещё — что станет легче, или хуже, или что-нибудь сдвинется.

Ничего не сдвинулось. Она допила чай, помыла чашку и пошла собираться на работу.

В тот день в аптеке было много людей и одна женщина, которая спросила, есть ли что-нибудь от бессонницы.

— Есть, — сказала Лена. — Но лучше к врачу.

— Я была, — сказала женщина. — Он сказал: меньше думайте.

— Ну вот, — сказала Лена.

Она продала ей пустырник и сказала, что помогает не всем. Отбитую чашку она не выбросила. Вымыла, вытерла и поставила в шкаф, к остальным, — ручкой к стенке, чтобы не цеплялась.

Пить из неё она больше не стала.

Чайник, который свистел

В его квартире не кричали. Это не было правилом, которое кто-то установил. Так вышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.